

Ирина ГРИЦУК: «Это наша четверка, идем с физкультуры; слева направо: я, Рита, Люка и Танька. Саратов, 1960 год».

Ирина ГРИЦУК живет в Ярославле, ее трудовой путь прошел на предприятиях города. Всегда занимала активную общественную позицию и высказывала свое мнение. Автор вспоминает о временах не столь давних. Читатель может заметить, как меняются условия жизни в обществе за очень короткий отрезок времени. Сегодня в зрелом возрасте люди, которым приходилось в студенчестве снимать угол за печкой. Они дружили, любили и были счастливы. Препятствия политические ценности ушли на задний план, а тепло человеческих отношений греет героев повествования всю жизнь.

ИРИЦУК-ГАЛИЦКАЯ.
архива автора

Рассказ-быль

Шапка Мономаха

ка тортов –
ос политический

подруга Танька – человек исключительно удачливый и практичный. Может, потому что практичный. Таньке дано далеко вперед смотреть, когда с тобой происходят самые рядовые события провинциальной жизни. Танька блестящая гламуром и не блещущая глянцем столичного общества.

Танька умудрялась из слухов нашего скудного бытия выводить выгодный вывод. Она тщательно расписывала предвидения или непроторицы нашей судьбы. Потому что Танька и старше была на целый год, и слушалась ее, как щенка.

Познакомились мы с ней в Саратове, в школе торгового училища, куда мы пришли со всех весел Северных дорог, чтобы обучиться искусству выпечки и украшения тортов и других кондитерских изысков. В группе было двадцать девчонок из разных городов: Архангельска, Волхова, Шарья, Буя и других железнодорожных станций, где в вокзалах работали рестораны. Танька моя приехала из Волхова, а я, стало быть, из Саратова.

Группа наша была особенная. Специальная. А дело было так, что, когда наступила хру-

Ирина ГРИЦУК: «Это я в Саратове, 1960 год.

Фото студенточки с книжкой специально для папы. Ему и впрямь нравилась эта фотокартонка. Он надеялся, что я получу образование и буду его гордостью. Мой папа воспитывал меня с 11 лет без мамы».

щевская оттепель и замаячила какая-то перестройка народного хозяйства, вдруг обнаружилось, что стране нашей требуется не только выпечка хлеба, но и нечто поизысканнее. Так сказать, после сталинского кнута хрущевский пряник потребовался. И оказалось, что за годы революций, войн и послевоенного нищего существования страна растеряла кадры

умельцев, мастеров кондитерского производства.

И только Саратов сохранил своих ремесленников. Саратовский каравай известен всей Европе. И не только каравай. Коврижки медовые, пряники мятные, печеня разномастные, пирожные и торты – песочные, воздушные и ореховые, бисквитные и заварные, безе и пралине, миндальные и слоеные и, конечно, изящные бушетоочки. В общем, все, чем славилась когда-то Россия, в Саратове потихоньку выпекали и сохранили мастерство и искусство замеса, плетения и украшения мучных изделий.

Руководство Северной магистрали первым откликнулось на призы партии и набрало из числа молодежи группу, способную постигнуть древнее и благородное ремесло кондитера, в которую попали мы с Танькой и еще Люка и Рита из города Волховстрой.

Это я сейчас знаю, что древний город Волхов стал называться Волховстроем, когда перед войной его превратили в лагерь для политических заключенных, которым предстояло рыть землю и строить канал, чтобы расширить нашу Мариинскую систему. Но тогда мы ничего подобного не слышали и не знали. Ну, Волховстрой и Волховстрой. И что? Это я сейчас понимаю, что подружки мои родились в семьях политических заключенных. Но об этом тогда никто не заикался. Мы учились в одной группе, дружили, и статус наших родителей ни у кого из нас не вызывал беспокойства.

Славик – сын комиссара

Да, мы старались учиться, чтобы овладеть ремеслом. Провожая меня в Саратов, па-

па сказал мне: «Иринка, ты учишься. Ремесло – это то, что прокормит тебя в самое тяжелое время. А такое время на долю русского человека обязательно выпадает. Хочешь ты этого или нет?»

Но моя подружка Танька не такой человек, чтобы прозябать на мешках с мукой и париться у горячей плиты. Она быстро освоилась в новом городе и завела дружбу с мальчиком, студентом одного из техникумов. Славик был маленького роста, щупленький, но чистенький, ухоженный и очень вежливый. Рядом с дородной Танькой он казался младшим братиком. Мало того, он так влюбился в Таньку, что захотел на ней жениться, и пригласил нас на седьмое ноября к себе домой, чтобы познакомить с родителями.

Мы с Танькой жили на съемной квартире, в чулане, куда углом выходила печка, занимавшая всю середину спальни, если можно чулан спальни назвать. Вдоль двух свободных стен наша хозяйка Анна Михайловна соорудила дощатые полки. Расположились они во всю длину стенок буквой Г, но все равно были коротки. Получалось так, что когда мы с Танькой ложились спать, то головами упирались в противоположные стены, а ноги наши «здоровались». Мы, конечно, поджимали их, чтобы во сне не запинать друг друга.

В коридорчике напротив лаза в наш закуток стоял маленький столик. На нем уложились наши тетрадки и учебники. В комнату хозяйки нам заходить было не велено. Но мы не привередничали, нас все устраивало, тем более что мы приходили чаще всего домой только спать.

Продолжение следует.

Мы с Танькой жили на съемной квартире, в чулане, куда углом выходила печка, занимавшая всю середину спальни, если можно чулан спальни назвать. Вдоль двух свободных стен наша хозяйка Анна Михайловна соорудила дощатые полки.